

Анатолий ЯКОБСОН

СТИХИ О ВРЕМЕНИ

* * *

Все века
 между собою родственны
сложным и особенным родством.
И летает
 тень Ивана Грозного
по ночам
над спящею Москвой.
И проходит по бульвару
 медленно
молодой ещё совсем
 Якир...
Повторяются тысячелетия,
Старые
и новые, как мир.
Ходят рядом мудрецы,
 безумные,
громкие,
такие же, как все.
И Ромео
с юношей Безуховым
входит в молодёжное кафе.
А Джульетта
кружится с Печориным
за грядями гор или лесов.
Что они танцуют увлечённо?

1963, весна

Полонез?
Матчиш?
Или чарльстон?
И Ромео
просит у Ромео
помощи
 из глубины веков,
И Татьяна
 любит неумело,
и за Кубу
борется Линкольн,
и века
 дают советы веку,
и помочь не может году
 год,
и не хочет слушаться советов
одного товарища
 другой,
и в столетьях затихает песня,
и о чём-то шепчутся года,
и Спартак
от выстрела Дантеса
молча
 умирает
 навсегда...

* * *

Может, будет,
может быть, не сбудется,
может, просто сон издалека...
Я ещё пройду
 по этим улицам,
постою
 у сонного «Сачка».
Я пройду с походкою уставшею,
что-то очень новое поняв,
и тогда
со мной случится страшное –
не узнают улицы меня.
Будет воздух
 пахнуть тёплой сыростью,

1964, 20 ноября

будут окна
 в сумерках светлы...
Все проспекты из бульваров выросли,
улицам дома давно малы...
Всё увижу,
всё пойму, замечу,
посмеюсь спокойно над собой,
опущусь на красную скамеечку,
что давно уж стала голубой.
Небо станет розовым от зарева,
ночь рассыплется по всей земле,
и моя скамейка,
не узнав меня,
мне расскажет тихо
обо мне.

* * *

Хочется спать.
Ах, как хочется спать.
Лёгким стать.
Невесомым стать.
Взять и уснуть.
Просто уснуть.
Ах, как хочется
отдохнуть!
Но ритмом твиста
стучит в голове
двадцатый век,
непокойный век.
Спутаны даты
и адреса.
В сутках –
24 часа.
В часе –
всего 60 минут.
Ах, как хочется
отдохнуть!
Но с третьей космической
сквозь рассвет
проносится век,
реактивный век.
Нам в вечном рабстве
у времени быть,
бриться наспех,
наспех любить,

1966, 4 апреля

нам в самолётах
письма писать,
работать
24 часа,
нам отдыхать,
как уставать –
твист танцевать,
шейк танцевать.
Сон не для нас.
Тишина не для нас.
Времени – время,
времени – час.
Работа за совесть,
работа за страх...
Век двадцатый
стучит в висках.
Ночь напролёт
спать не даёт...
С третьей космической
солнце встаёт.
Новые
24 часа.
Новые
лица и адреса.
Опять нам вставать.
Опять уставать.
Только не спать.
Никогда не спать.

ПОЛУЗАБЫТЫЕ ШЕСТНАДЦАТЬ

Быть может, ночью нам приснятся
косые полосы дождя.
Полузабытые шестнадцать
из-под руки в упор глядят...

(А. Заславский)

...И снова прожито так мало,
и столько предстоит прожить,
и снова шелестит Самара,
и память ворошат бульвары,
и снова мир у ног лежит,
а в нём дороги ненасытные,
и взлёты вёсел над водой,
и, как сокровища, рассыпаны
огни вечерних городов,
в нём бьются споры до полуночи,
и ненавязанные мысли,

1972, апрель

и есть стихи и революции,
и нет смертей и компромиссов,
и стук дождя в окно вонзается,
и твой единственный судья –
неповторимые шестнадцать,
непримиримые шестнадцать,
неумолимые шестнадцать
из-под руки
в упор
глядят.

ФРОНТОВИКАМ

Сотрёт со временем время
легенды и книги про вас.
У каждого поколения –
свои долги и права.

Кому-то к небу взвиваться,
петь счастливо и звонко.
Кому-то в эвакуации
расти под нелёгкие сводки.

Середина 70-х

Кому-то идти с боями
к Берлинам или к могилам.
Кому-то нести эту память,
как совесть, сквозь годы мира.

Течёт торжественно Лета,
диктуя мирам закон...
У нас своё поколение.
Мы – дети фронтовиков.

* * *

...А время измеряется футболом...
Я не застал великий век Боброва.
Я рос в эпоху Яшина и Нетто.
...А время измеряется газетой...
...А время измеряется эстрадой...
И президенты уплывают в Лету,

1977

и с модой нету никакого сладу...
А время движется к черте – и к чёрту.
Но, может, в нём хоть что-то обратимо?
...Спасибо тебе, Алла Пугачёва,
за «Арлекино»!

ВРЕМЕНА ГОДА

А.Сафьяну

Мудрец, чья родина Парнас,
однажды крикнул детворе:
КАКОЕ, МИЛЫЕ, У НАС
ТЫСЯЧЕЛЕТЬЕ НА ДВОРЕ?
Он, небожитель, твёрдо знал,
что времени цикличен бег:
есть лето, осень и весна –
из года в год, из века в век.
И так же губы горячи,
и так же шелестит река,
и так же клавишин звучит,
и под слезой дрожит щека...
А я живу среди забот,
захвачен жизнью, как игрой,
и для меня не век, а год
так непохож на год другой.
Имеет каждый, как пароль,
и голос свой, и запах свой:
сирени – шестьдесят второй,
дюраля – семьдесят шестой...
Они различны по цветам,
по новостям, по именам:
есть год, в котором Ив Монтан,

1979

есть год, в котором В. Мунтян.
Афишу ль ветер шевельнёт,
иль юбкой девушка качнёт –
и безошибочно встаёт
тот самый век, тот самый год.
И – символом – через года,
молитвам ангелов взамен,
НЕСУТ ПО ЖИЛАМ ПРОВОДА
КОМУ-ТО ЖИЗНЬ,
КОМУ-ТО СМЕРТЬ...
А я стою у входа в рай
и не могу туда войти.
О небожитель, силы дай!
О научи! О просвети!
Ведь я чего-то не постиг,
раз по-другому не могу?
Открой мне мудрости родник
на том, далёком, берегу!
Чтоб бесконечное познать
вне суетного сквозняка,
чтоб ходу месяцев внимать
и путать свысока
века!

СТИХИ БЕЗ КАВЫЧЕК

Ю.Кармазиной

В магазинной давке, в суматохе улиц,
вечером, урывками,
я листаю Юность.
Помнишь, как гуляло над Самарой лето,
выдавала Юность нам
Звёздные билеты,
расставляла Юность нам
огоньки заманчивые,
говорила Юность нам:
До свиданья, мальчики!

1982, 22 февраля

Я открою Юность – и вернутся снова
вечера поэзии шестьдесят второго.
Каждую их строчку помню наизусть,
трепетно и строго через жизнь несу!
Но прошла эпоха. Юность, чуть наивна,
в сторону отходит перед Новым миром.
Он такой огромный, он такой солидный,
непростой и умный, в целом справедливый,
в нём проблемы глубже и решенья лучше...
Только почему-то в нём стихи не учатся...

ВОЗВРАЩЕНИЕ В ЕВПАТОРИЮ

Как гласит старинная истина,
возвращаются ветры на круги' своя,
и, как сказано позже, рыскают,
глядя щёку евпаторийскую.
Море синее, море Чёрное,
море детское, тёплое, мелкое,
и смеётся на пляже девчонка –
может, Белка,
может, Белка.

Возвращаются ветры когда-нибудь,
не грусти, говоря «до свидания»,
от Курзала до порта вдоль берега
всё исхожено, всё измерено.

1982, 8 марта

* * *

Дрессирует нас время.
Человек ко всему привыкает.
Забывает несчастья.
По утрам на работу бежит...
Почему же в апреле
Мне сухого асфальта какой уже год не хватает?
Почему же так часто
мне снится, что дедушка жив?

1985

Пахнут дворики ягодой сочной,
пряной рыбою, добрым Югом,
а девчонка хохочет, хохочет –
может, Юлька,
может, Юлька.

Повторя старинную истину,
ходят ветры евпаторийские,
возвращаемся все мы когда-нибудь –
кто-то вовремя, кто с опозданием.
Ах ты память моя беспокойная,
ах ты юности светлая книга,
а девчонка мне машет рукою,
может, Инка...

* * *

У человека,
у города,
у поколения
бывают собственные
нарицательные имена,
которые не нуждаются в определениях:
просто Дедушка,
просто Проспект,
просто Война.

Начало 80-х

ВАРИАЦИЯ НА ТЕМУ ШЕВЧУКА

Что такое осень? Это песни,
больше не берущие за сердце.
Осень – это если
никакого больше «если»:
Только так, и никуда не деться.
Осень – это нету папы с мамой.
Осень – это улицы чужие:
зыркает орёл,
интеллигенты прутся в храмы,
просят подавание таджики.
Что же будет с Родиной и с нами?
Это некорректные вопросы.

Середина 90-х

Родины пойдут
своими разными путями,
а поэты перейдут на прозу.
Осень, краем зоряных гроз
догорает Днепропетровск.
Осень, сволочь, вечно права –
так подбросьте дрова!
Осень, тает лето вдали,
улетают прочь корабли,
светит, но не греет звезда...
Я такой, как всегда!
Что такое осень? Это осень...

ЮБИЛЕЙНОЕ

А.Заславскому

Над волной океанской, в тропический зной,
где сугробы до самого органа,
посреди авеню, на тропинке лесной
поздравлял темпоролог географа.

Он дарил ему то, что важнее всего,
он дарил ему вечное Время –
и Эйнштейны с портретов трясли головой
и ушам своим бедным не верили.

Был подарок тот крут, был подарок неслаб,
но географ в долгу не остался:
он жлобиться не стал, мелочиться не стал
и в ответ подарил он Пространство.

И уселись они, и разлили они
по стаканам – не лимонада.
Было Время у них, и Пространство у них –
а чего ещё, в сущности, надо!

2007, апрель-май

И лежало Пространство без края, без дна –
Крым и Мюнхен, Байкал и Сахара,
и была в нём особая точка одна –
там, где в Днепр впадает Самара.

Ну а Время досталось им тоже одно –
уж какое ни есть, но досталось.
И какой оно сущностью наделено,
это их в тот момент не касалось.

И чего б там ни вякал научный прогресс,
вопреки всем теориям вредным,
но когда они чокались, этот процесс
проходил у них одновременно.

И уже для них не было ни ноября,
ни апреля, ни Первого мая –
лишь ложился закат и вставала заря,
с содержимым стаканов играя.

ВПЕЧАТЛЕНИЕ ОТ 1-й СЕРИИ ФИЛЬМА «ЛИКВИДАЦИЯ»

Давиду Гоцману – и слава и почёт!
Давид шагает по родной своей Одессе.
Война закончена,
и солнышко одесское печёт,
и унывать не хочется – хоть тресни.
Перед Давидом прогибается шпана,
Давида Гоцмана преступный мир боится,
зато ему симпатизирует
огромная страна,
а он командует уверенно: «Бекицер!»
Давида Гоцмана боготворит весь двор,
в котором слышен громкий голос тёти Песи,
с ним дружит Фима Полужид,

когда-то очень крупный вор,
перевоспитанный фашистскою агрессией.
И пусть сюжет, признаться честно, примитив,
пусть это время трижды сталинским зовётся,
но как бы мне туда попасть,
ну хоть доплыть бы,
доползти,
где по одесским закоулкам бродит Гоцман,
где наши мамы в крепдешиновой поре,
где между мной и Украиной нет границы,
где слышен голос тёти Песи
(или Двоси) во дворе,
где каждый знает слово быстрое «бекицер!»

2008, 10-11 ноября

TO MY 64-YEARS-OLD GENERATION – IN 2011

Will you still need me,
Will you still feed me,
When I am 64?

(The Beatles)

Not everybody,
not everyone,
but we are still alive.
Once we were 20,
once 41,
coming are 65.
We've been hard working
and having fun,
and we want much more!
This life still needs us,
this life still feeds us
in our 64!
Bellies are flat
and hair is dark,
it's not the time to pay bills.
We are at home
in Shevchenko Park
and on the Lenin Hills.

2011, июль

We fly to visit our children
to the Isle of Bali
or to the Pacific shore.
Let them be healthy,
let them be wealthy
in their 64!
With the songs of Okudzhava,
with the songs of the Beatles,
we can drive the car.
We all live
back in the faraway youth,
back in the USSR.
Not everybody,
not everyone,
we will get still more!
Let's need each other,
let's feed each other
long after 64!

В стране маяков и советов,
не самой комфортной из стран,
больны девятнадцатым веком
Булат, Александр и Натан.

Там к схватке готовы гусары,
там кони хрипят во дворе,
там строит прожекты Въеварум
и выстроено каре...

2012, 27 февраля

Ребята, ну что вам неймётся
копаться в не ваших страстях?
Того, что вы все инородцы,
астафьевы вам не простят!

Не чувствовать им, не услышать,
как чуждые души болят,
как кровью нерусскою пишут
Натан, Александр и Булат.

13 / 14 ЯНВАРЯ

Чему я всё-таки радуюсь?
Что шевельнулось во мне? –
в этот нелепый праздник
в этой нелепой стране!

В стране, что исчезла с карты,
в стране, где нет и страны, –
он, как Восьмое марта,

2013, 13-14 января

как «Операция “БГ”»!

От Бруклина до Магадана,
от Риги до Биробиджана,
от Хайфы до Зурбагана
наш нелепый народ
празднует этот странный
Старый Новый год...